

Сказка Туве Янссон " В конце ноября " Глава 19

Тридцать пять минут девятого, когда утро еще было погружено в темноту, стали открываться окна – одно за другим, матрасы, покрывала и одеяла водружались на подоконники, по дому, поднимая густые облака пыли, гулял отличный сквозняк.

Филифьонка наводила порядок. Во всех котлах кипятилась на плите вода, щетки, тряпки и тазы вылетали, пританцовывая, из шкафов, а балконные перила разукрасились коврами. Из всех генеральных уборок эта была самая генеральная. Обитатели дома, стоя на пригорке, смотрели с удивлением на Филифьонку, а она, повязав голову платком и обмотавшись три раза огромным маминым передником, снова из дома на балкон и обратно.

Снусмумрик вошел в кухню за своей губной гармошкой.

– Она лежит на полочке под плитой, – сказала Филифьонка мимоходом. – Я обращалась с ней очень осторожно.

– Если хочешь, можешь подольше поддержать ее у себя, – неуверенно заметил Снусмумрик.

Но Филифьонка деловито ответила:

– Возьми. Я куплю себе новую. Да смотри, не наступи на мусор.

До чего же приятно было снова заняться уборкой! Она знала точно, где прячется пыль. Мягкая, серая, довольная собой пыль пряталась в уголках и думала, что лежит в полной безопасности, ха-ха! Большая метла Филифьонки перевернула все вверх дном, вымела личинки моли, пауков, сороконожек и прочих ползучих, и прекрасные реки горячей воды с мыльной пеной унесли все это. Немало пришлось побегать с ведрами, но до чего же было весело. – Люблю, когда женщины делают уборку, – заявил Онкельскрут.

– Вы предупредили Филифьонку, чтобы она не трогала платяной шкаф предка?

Но платяной шкаф был уже вымыт, к тому же вдвое старательнее, чем все прочие вещи. Нетронутым оставалось только зеркало на внутренней стороне шкафа, и оно тускло светилось.

Постепенно все вовлеклись в уборку, кроме Онкельскрута. Носили воду, выколачивали ковры, натирали пол. Каждый взялся мыть по окну, а когда все проголодались, то пошли в кладовку и съели остатки вечернего пиршества. Филифьонка ничего не стала есть, она ни с кем не разговаривала, у нее не было на это времени и желания! Она то и дело насвистывала, легкая и гибкая, она носилась как ветер, ей хотелось как бы наверстать упущенное, восполнить то потерянное время, когда ею овладевали одиночество и страх.

"Что это было со мной? Я сама была каким–то большим серым клубком пыли... С чего бы это?" Этого она никак не могла вспомнить.

Итак, великолепный день генеральной уборки подошел к концу. К счастью, дождя в этот день не было. Когда спустились сумерки, все уже было расставлено по своим местам, все было чистым, блестящим, и дом удивленно смотрел во все стороны только что вымытыми оконными стеклами. Филифьонка сняла с головы платок и повесила на вешалку мамин передник.

– Вот так, – вздохнула она. – А теперь я поеду домой и наведу у себя порядок. Давно пора.

Они сидели на веранде все вместе, было очень холодно, но предчувствие скорого расставания, скорых перемен удерживало их, не давало расходиться.

– Спасибо тебе за уборку, – сказал хемуль с искренним восхищением.

– Не за что меня благодарить, – ответила Филифьонка. – Иначе я и не могла поступить. И ты могла бы сделать то же самое. Я тебе говорю, Мюмла.

– Ведь вот что странно, – продолжал хемуль, – иногда мне кажется, будто все, что мы говорим и делаем, все, что с нами происходит, уже было с нами когда–то, а? Вы понимаете, что я хочу сказать? Все на свете однообразно.

– А почему все должно быть разнообразным? – спросила Мюмла. – Хемуль – всегда хемуль, и с ним случается всегда одно и то же. А с мюмлами иногда случается, что они быстренько уезжают, чтобы им не пришлось делать уборку! – Она громко засмеялась и похлопала себя по коленкам.

– Неужто ты никогда не переменишься? – спросила Филифьонка с любопытством.

– Да уж надеюсь! – ответила Мюмла.

Онкельскрут переводил взгляд с одной на другую, он очень устал от уборки и от их пустой болтовни.

– Здесь холодно, – сказал он. Потом с трудом поднялся и пошел в дом.

– Вот–вот выпадет снег, – заметил Снусмумрик.

На следующее утро пошел первый снег. Маленькие и твердые снежинки выбелили все вокруг. Сильно похолодало. Филифьонка и Мюмла простились с остальными гостями на мосту. Онкельскрут еще не проснулся.

– Это было очень полезное время, – сказал хемуль. – Я надеюсь, что мы когда–нибудь соберемся вместе с семьей муми– троллей.

– Да, да, – рассеянно ответила Филифьонка. – Во всяком случае, скажите, что фарфоровая ваза от меня. Кстати, какой марки эта губная гармошка?

– "Гармония–2", – сказал Снусмумрик.

– Счастливого пути, – пробормотал хомса Тофт.

А Мюмла добавила:

– Поцелуй Онкельскрута в мордочку. Да не забудь, что он любит огурцы и что речку называет ручьем!

Филифьонка взяла свой чемодан.

– И следите за тем, чтобы он принимал лекарства, – строго приказала она. – Хочет он того или нет. Сто лет – не шуточки. Иногда можете устраивать вечеринки.

Филифьонка пошла вперед по мосту, не оглядываясь, не зная, идет ли за ней Мюмла. Они исчезли в снежной завесе, укутанные печалью и облегчением, которые всегда сопровождают расставание.

Снег шел весь день, стало еще холоднее. Побелевшая земля, отъезд Филифьонки и Мюмлы, чисто вымытый дом наложили на этот день отпечаток неподвижности и задумчивости. Хемуль стоял и глядел на свое дерево, потом отпилил дощечку, положил ее на землю. Потом просто стоял и смотрел по сторонам. Несколько раз он входил в дом и постукивал по барометру.

Онкельскрут лежал на диване в гостиной и думал о том, как все переменялось. Мюмла была права. Он вдруг обнаружил, что ручей это не ручей, а извилистая, бурная река с заснеженными берегами. Он больше не хотел удить рыбу. Он положил себе на голову бархатную подушку и стал вспоминать о том веселом времени, когда в ручье водилось много рыбы, а ночи были теплые и светлые и когда все время случалось что–нибудь интересное. Приходилось бегать прямо–таки до ломоты в костях, чтобы успеть за всем уследить, а спать и вовсе было некогда, разве что прикорнуть ненадолго, а как весело он смеялся тогда... Онкельскрут встал, чтобы побеседовать с предком.

– Привет, – сказал он, открыв дверцу шкафа. – Снег идет. Почему это теперь нет ничего интересного, а только так, одни пустяки? Куда подевался мой ручей? – Онкельскрут замолчал, ему надоело говорить с тем, кто никогда не отвечает на вопросы.

– Ты слишком стар, – сказал Онкельскрут и постучал тростью. – А теперь, когда пришла зима, ты еще больше состаришься. Зимой всегда ужасно стареешь, – и Онкельскрут взглянул на своего друга и еще подождал.

Все двери верхнего этажа были распахнуты в пустые, начисто вымытые комнаты, воздух был чист и свеж, уютного легкого беспорядка как не бывало, ковры расположились строгими серьезными прямоугольниками, и на всем лежал отпечаток холода и снежного зимнего света.

Онкельскрут почувствовал себя всеми забытым и закричал:

– Что? Скажи хоть что–нибудь!

Но предок не отвечал, он стоял в своей не по росту большой пижаме и молча таращил на Онкельскрута глаза.

– Вылезай из своего шкафа, – строго сказал Онкельскрут. – Они тут все переделали по–своему, и теперь только мы с тобой знаем, как все выглядело сначала! – И Онкельскрут довольно сильно ткнул предка тростью в живот. Послышался звон разбитого стекла – старое зеркало треснуло и рассыпалось; только в одном длинном узком осколке Онкельскрут успел заметить озадаченное выражение лица предка, но и эта зеркальная полоска тут же упала, и на Онкельскрута глядел теперь лишь коричневый лист картона, который не мог ему сказать вовсе ничего.

– Вот оно что, – пробормотал Онкельскрут и пошел не оглядываясь. Он был очень рассержен.

Онкельскрут сидел на кухне у плиты и, глядя на огонь, размышлял. За столом в кухне сидел хемуль, а перед ним была разложена груда чертежей.

– Тут что–то не так со стенами, – сказал хемуль. – Они получают какие–то кривые и все время рушатся. Их просто невозможно приспособить к веткам.

"Может, он залег в спячку?" – думал о своем Онкельскрут.

– Собственно говоря, – продолжал хемуль, – собственно говоря, не очень–то приятно быть запертым в четырех стенах. Просто так сидеть на дереве, пожалуй, приятнее, ночью можно озираться по сторонам и видеть, что творится вокруг, не правда ли?

– Наверное, важные события происходят весной, – сказал Онкельскрут сам себе.

– Что ты говоришь? – спросил хемуль. – Правда, так будет лучше?

– Нет, – отвечал Онкельскрут, хотя не слышал, о чем говорит хемуль. Наконец–то он понял, что ему надо делать. Все очень просто – надо перепрыгнуть через зиму и сделать большой шаг прямо в апрель. Нечего расстраиваться, на это нет никаких причин! Надо лишь устроить себе уютную ямку для зимней спячки и пусть себе все в мире идет своим чередом. А когда он проснется, все будет так, как и должно быть. Онкельскрут пошел в кладовую, поднял крышку с суповой миски, в которой лежали еловые иголки, он очень повеселел, ему вдруг ужасно захотелось спать. Он прошел мимо погруженного в размышления хемуля и сказал:

– Привет! Я залегаю в спячку.

– Привет, привет! – рассеянно ответил хемуль. Он поднял мордочку, поглядел в след Онкельскруту, потом снова принялся ломать голову над сложной задачей: как смастерить дом на ветвях клена.

В этот вечер небо было совсем чистое. Хомса шел по саду и тонкий ледок трещал под его лапами. Долина наполнилась морозной тишиной, на ее склонах поблескивал снег. Стекланный шар был пуст. Теперь он стал обыкновенным голубым стекляннным шаром. Но черное небо было полно звезд, они искрились и сияли миллионами алмазов, это были зимние звезды, излучавшие холод.

– Вот и зима пришла, – сказал хомса, входя в кухню.

Хемуль решил, что беседка без стен уютнее, будет просто один пол; он облегченно вздохнул, свернул свои бумаги и сказал:

– Онкельскрут погрузился в спячку.

– Он взял с собой свои вещи? – спросил хомса.

– На что они ему? – удивленно ответил хемуль.

Хомса знал, что весной после долгой спячки Онкельскрут станет гораздо моложе, а сейчас ему нужно лишь, чтобы его оставили в покое. Но хомса подумал и о другом: ведь Онкельскруту будет важно узнать, что кто–то думал о нем, пока он спал. Поэтому он отыскал вещи Онкельскрута и сложил их рядом со шкафом. Потом накрыл Онкельскрута одеялом из гагачьего пуха и хорошенько подоткнул его – зима ведь может быть холодная. В шкафу чувствовался аромат каких–то пряностей. В бутылочке оставалась капля коньяка – как раз хватит, чтобы освежиться в апреле.